

Ильинична, его заместители, советник председателя и ревизионная комиссия, а так же новый руководитель женского клуба «Гюзель» КРФК Пчельникова Раиса Яковлевна.

Таким образом, анализируя работу КРФК и её председателя Горюновой О.В. за период с 2003г. по 2012 год, можно сделать вывод, что данная этнокультурная организация вносит вклад в развитие и процесс возрождения культуры одного из коренных и малочисленных народов Крыма – караимов, а также способствует развитию толерантных взаимоотношений с другими этнокультурными обществами Центрами и Фондами Крыма, популяризирует караимскую культуру методом этноконфессионального и этнокультурного диалога в Крыму.

Источники и литература:

1. Караимы в Крыму: истоки и современность / сост.: Л. В. Узунова, О. В. Горюнова, Л. Я. Пашковская. – Симферополь : Вперед, 2007.
2. Крымская Республиканская Федерация Караимов : буклет. – Симферополь, 2004.
3. Крымская Республиканская Федерация Караимов : буклет. – Симферополь, 2006.
4. Протокол отчетно-выборной конференции членов Крымской Республиканской Федерации Караимов № 1 от 1 октября 2011. – Симферополь, 2011. – С. 1-5.
5. Протокол выборной конференции КРФК № 1 от 9 октября 2003. – Симферополь, 2003. – С. 3.

Чернышева Е.В.

УДК 008+398=161+398=512.1

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗОВ ДЕВ – ВОИТЕЛЬНИЦ В ТЮРКСКОМ И СЛАВЯНСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Важнейшей составляющей культурно – исторического процесса на территории Восточной Европы являлось тюрко – славянское взаимодействие. Начало продолжительных контактов между тюрками и славянами – явление гораздо более древнее, чем процесс формирования современных этносов указанного региона. Различие традиций, специфика социальных институтов в сочетании с фактором интенсивных межэтнических контактов привели к трансформации множества аспектов народной культуры, в том числе – к появлению новых сюжетов, изменению персонасферы.

Явление, одинаково присущее всем народам, – трансформация мифоконцептов в реалистические образы – на примере культур, активно и постоянно воздействующих друг на друга, прослеживается особенно ярко.

Цель статьи: проследить трансформацию образов дев – воительниц в фольклоре восточных славян и тюрков, соотнеся этот процесс со славяно – тюркским взаимодействием.

Является закономерным, что славяне и тюрки на протяжении эпохи средневековья переживали сходные этапы становления социальных институтов, сопровождающиеся столкновением двух общественных норм – старой и более новой.

В общественной жизни тюркских народов женщина играла значительную роль в течении долгого времени. Карпини сообщал, что половецкие девушки и женщины ездят верхом и ловко скачут на конях, как мужчины. «Мы также видели, – писал путешественник, – что они носили колчаны и луки» [6]. Археологами обнаружено большое количество статуй, сооруженных в честь умерших предков; женских статуй сохранилось гораздо больше. Женщины, как и мужчины, изображались стоящими и сидящими; стоящие, как правило, были одеты в более роскошные платья, что подчеркивало их высокое положение.

Один из архетипических образов – «мать и дочь»- можно увидеть в находке, о которой сообщает С. А. Плетнева. Это половецкая статуя женщины с младенцем, причем ребенок – не мальчик, а девочка [9; с. 132-133].

Диапазон воплощений одного из образов, «с незапамятных времен населяющих небеса всех народов» [19; с. 221], в культуре народов Евразии достаточно широк: от рожениц эпохи неолита до утонченных Деметры и Персефоны. Д. Д. Фрезер, связывая архетип с культурой земледельческих народов, считал, что в процессе многовекового развития на образы прошлого и будущего урожая наложились высшие моральные и интеллектуальные соображения [17; с. 371-373]. Вместе с тем Б. А. Рыбаков зафиксировал воплощение коллективного бессознательного в культуре охотников и скотоводов эпохи неолита: две женщины-полуосихи или важенки, рождающие оленей [14; с. 22; с. 68]. В данном контексте следует воспринимать половецкий памятник, символизирующий матрилинейный принцип родства, долгое время сохранявшийся у тюркских народов.

В тюркском и восточнославянском фольклоре можно выделить два основных сюжетных мотива, имеющих архетипическую основу. Во-первых, это мотив девы – воительницы – верной соратницы. В трудный момент боевая подруга приходит супругу на помощь, проявляя не только мужество, но и проницательность, женскую хитрость.

Второй мотив, различным образом разрабатываемый у тюрков и славян, - мотив поединка богатырши с ее избранником.

Закономерным является, что у скотоводов – кочевников женщины с детства владели искусством верховой езды и, зачастую, умели обращаться с оружием. Поэтому даже в произведениях раннего тюркского эпоса образы дев – воительниц обладают определённой реалистичностью.

В эпических произведениях встречается множество образов отважных наездниц, владеющих мечом и искусством охоты. Таковы героини киргизского дестана «Джангыл Мирза», уйгурского – «Нёзюгом», башкирского дестана «Зая Тюлек», киргизского эпоса «Манас», алтайского и хакасского дестана «Алтын Арыгъ», а также азербайджанского эпического сказания о Кёр-оглы [20].

Полагаем, что «богатырши-паляницы» попали в славянский фольклор в результате контакта с тюркскими народами. Тюркские воительницы, в частности, есть в татарском войске в былине «Илья-Муромец и Калин-царь» [16; с. 51-57].

В ряде случаев заимствование может быть основано на близости фабулы к международным сюжетам, также имеющим архетипическую основу. В крымскотатарском дестане «Зюльбюэр-кыыз» героиня состригает волосы и надевает мужскую одежду, чтобы выручить из беды мужа [22; с. 56-61]. Произведение имеет фабульное название («Зюльбю» – локон, «эр» – мужчина (кр.тат.)) [21], т.е. «Зюльбюэр» – «стриженная девушка». Этот древнейший половецкий дестан у казанских татар известен под названием «Турай-батыр». У восточных славян сюжетный мотив состригания волос и переодевания в костюм богатыря встречается в былине «Ставр Годинович», где таким образом спасает мужа от произвола киевского князя Василиса Микулишна [21; с. 132-136]. Существуют также хорватские, немецкие и украинские песни о девушке, которая, переодевшись мужчиной, выручает из беды возлюбленного. По мотивам хорватской песни И. Франко написал «Поэму о белой сорочке», а Б. Гринченко по украинским мотивам – «Думу про княгиню-кобзаря».

Следует отметить, что воинственность героинь дестанов направлена исключительно на врагов супруга, рода, на чужаков, враждебных племени. Тюркские амазонки, в том числе и в домусульманский период, полностью свыклись с властью мужчин, которые прислушиваются к их советам и окружают их любовью и уважением. Что касается поединка жениха с невестой, у тюркских народов в эпоху средневековья последний был частью свадебного обряда и в любом случае не предполагал фатального исхода. В «Сказании о Кан-Турали» герой угрожает убить Сельджан-хатун, спасшую его от врагов и проявившую больше доблести, чем сам витязь. Однако выясняется, что Кан-Турали просто испытывал свою невесту, которую очень любит и ни в коем случае не станет убивать [7; с. 69-72]. В «Былине о сватовстве Дуная» мотив «паляницы»-воительницы, а также мотив поединка между мужем и женой приобретают зловещий характер. Паляница Настасья убита на пиру у князя Владимира.

Сюжет былины трагичен и парадоксален, и исследователи каждый по-своему прочитывали основную идею произведения, определяя эпоху, с которой могли быть связаны его образы. По Б. Н. Путилову, былина отражает переосмысление старых брачных норм: Настасья – «суженая», добыть которую было главной задачей героя более архаичного эпоса [12; с. 131-132]. В. М. Жирмунский отмечал, что былина о сватовстве Дуная и рассказ о Кан-Турали, который исследователь относил ко второй половине XV века, отражают столкновение двух общественных норм: старой и более новой [4; с. 581].

Б. А. Рыбаков связывал обилие женских воинственных персонажей в сказках и несколько былинных сюжетов, в которых действует «паляница», с дотатарским степным миром скифо-сарматского происхождения [14; с. 589]. Образ Дуная (или Дона Ивановича), – полагал исследователь, – возник как отражение контактов киевских воинов с аланскими или болгарскими степняками [13; с. 158]. Д. М. Балашов считал, что былина отражает славяно-сарматские отношения первых веков нашей эры [2; с. 28], а В. Г. Смолицкий соотносил сюжет с реальной действительностью XV-XVI веков [15; с. 123-125].

Современные исследователи предполагают за былинным повествованием иносказательную притчу: трагедия произошла, поскольку выбор супругов был неправильным – невеста была сильнее, лишь случайно проиграв первый поединок. Катастрофа вызвана союзом сильной женщины и слабого мужчины [8].

Полагаем, что в историю об убийстве трансформируется праславянский миф о рождении рек из крови убитых богатырей. Кровь – одна из древнейших метафор воды и дождя: всемирный потоп, по свидетельству преданий, произошел от крови великанов-туч, которые пали, сраженные в грозовой битве. У А. Н. Афанасьева говорится, что сказания о реках, образовавшихся от крови убитых богатырей и их жен, выражают ту же мысль, что и миф о небесном происхождении земных вод: реки эти истекают из дождевых туч, гибнущих под ударами Перуновой палицы. Непра-Настасья- королевична подобна воинственным девам – вилам, валькириям, существовавшим в фольклоре индоевропейских народов. Ей даны и непомерная сила, и страсть к войне, и славное искусство метать стрелы [1; с. 116].

Миф о Дане-Дойне-Непре был, записал Я. Ф. Головацким. Дана-богиня индоевропейских народов – весенняя дождевая дева, которая станет женою Даждьбога, чтобы осуществить полноту жизни и любовь творения [5; с. 202].

Процесс десакрализации мифа, имеющий место в данном случае, может приобретать различные направления. В частности, американский исследователь О. Прицак указал следующие:

- миф превращается в эпическую историю;
- миф и история переходят в эпическую;
- история становится мифом, чтобы превратиться в собственно эпическую и эпическую придворную;
- история превращается в эпическую [10, с. 116].

Однако, в «Былине о сватовстве Дуная» трансформация мифа произошла по следующему пути: «миф становится эпикой и смешивается с историей, которая тем самым становится мифом» [там же].

«Миф становится эпикой» - следовательно, проникнутые антропоморфизмом образы сил природы превращаются в образы людей.

«Миф смешивается с историей». Произведение отражает, с одной стороны, впечатления от контактов с тюркскими богатырями – «паляницами» (в сущности, последние негативно были восприняты славянами). С другой стороны – былина несет отпечаток патриархально – деспотических нравов, установившихся к эпохе средневековья.

Т. о. миф трансформировался в эпическое произведение, которое можно назвать одной из первых в восточнославянской культуре трагедий на социально – бытовую тему. Этот путь десакрализации закономерен и говорит об этапе определенного «взросления» этноса. По М. Элиаде, в то время как сказка уходит к народу, эпос остается у аристократии, открывшей, что существование – это проблема и трагедия [18, с. 196].

В трансформации образов героев можно увидеть, как вместе с реалистичностью они обретают особую амбивалентность. Мифическая Непра, кричащая «по-змеиному», превращается в Настасью-богатыршу, а образ Дуная становится, скорее, отрицательным. Как отмечает В. Я. Пропп, Дунай – не герой, а подлый себялюбивый убийца, который в былине не только сражен, но и должен еще быть уничтожен [11; с. 135; с. 143].

Характерно, что в более поздних былинах Дунай – персонаж, которому присущи не только храбрость, но и дерзость [3], либо отрицательный герой, собирающийся биться с людьми, не имеющими богатырской силы. Ради развлечения этот богатырь сплетничает, кляузничает [16; с. 82-84].

Таким образом, праславянский миф не менее, чем за пятнадцать столетий превратился в произведение героического эпоса с присущими этому жанру историзмом и реалистичностью. Новые поколения представителей той же этнической культуры по-другому интерпретируют старый миф, используя его элементы для передачи совершенно иного идейного содержания.

Выводы.

1. Исключительная многослойность фольклора, произвольные воспоминания о событиях в бессознательной психике, объединяющие матриархат верхнего палеолита, дев-воительниц в праславянских легендах, «бабье царство» сарматского мира, позволяли не только воспринять и отразить современную действительность, но и выразить свое отношение к ее явлениям.

2. Актуализация имеющих архетипическую основу сюжетных мотивов девы – воительницы и поединка богатырши с ее избранником находят различное воплощение в соответствии с культурными традициями и условиями развития этноса. Возможно, появление мотива покушения на жизнь более храброй и сильной возлюбленной в тюркском «Сказании о Кан-Турале», было связано с тем, что балансирование между патриархатом и авторитетом женщины – продолжательницы рода порождало определенную нестабильность, напряжение в сообществе средневековых тюрков-кочевников. Воздействие соседей-славян могло способствовать «перевесу» чаши весов в пользу патриархата. Былина же о сватовстве Дуная, с одной стороны, показывает отражение в фольклоре славян реалий половецкого общества, с другой стороны – повествует о неприятии в Киевской Руси и в княжествах эпохи раздробленности возможности преобладания женщины. По мере развития социально-экономических отношений и усложнения социальной структуры это неприятие усиливалось.

3. Сочетание закономерностей фольклорно-исторического процесса, в соответствии с которыми не заимствуются незнакомые и чуждые явления, с фактором взаимодействия тюркской и славянской культур приводит к трансформации мифа в произведение, характеризующееся реалистичностью и психологизмом.

Полисемантическое расширение и амбивалентность символов в данном случае являются закономерным следствием многослойности фольклора.

Источники и литература:

1. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу : в 3 т. / А. Н. Афанасьев; изд. подг.: Л. Г. Бараг, Н. В. Новиков. – М. : Наука, 1984. – Т. 2. – 463 с.
2. Балашов Д. М. Из истории русского былинного эпоса / Д. М. Бала шов // Русский фольклор : Т. 15. – Л. : Наука, 1975. – С. 26-54.
3. Былины в записях и пересказах XVII – XVIII вв. / отв. ред. А. М. Астахова. – М., Л. : Изд-во АН СССР, 1960. – 307 с.
4. Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос / В. М. Жирмунский. – М. : Наука, 1974. – 725 с.
5. Знойко О. П. Міфи Київської землі та події стародавні / О. П. Знойко. – К. : Молодь, 2004. – 336 с.
6. Карпини Джованни Плано. История монголов, именуемых татарами [Электронный ресурс] / Карпини Джованни Плано. – Режим доступа : <http://www.hist.msn.ru/ER/Expert/carpini.htm>.
7. Книга моего деда Коркута. Огузский героический эпос / пер. акад. В. В. Бертольда; изд. подгот.: В. М. Жирмунский, А. И. Кононов. – М., Л. : Изд-во АН СССР, 1962. – 299 с.
8. Мадлевская Е. А. Героиня – воительница в русских былинах : [Электронный ресурс] / Е. А. Мадлевская // Материалы международной научной конференции (25-27 апреля 2002 г.). – Режим доступа : http://www.ow1.ru/content/library/book_sp_51586.shtml
9. Плетнёва С. Л. Половцы / С. Л. Плетнёва. – М. : Наука, 1990. – 202 с.
10. Прицак О. Походження Русі. Стародавні скандинавські джерела (крім ісландських саг) : у 2 т. / О. Прицак. – К. : Обереги, 1997. – Т. 1. – 1074 с.
11. Пропп В. Я. Русский героический эпос / В. Я. Пропп. – М. : Наука, 1958. – 603 с.
12. Путилов Б. Н. Экскурсы в теорию и историю славянского эпоса / Б. Н. Путилов. – СПб. : Петербургское востоковедение, 1999. – 288 с.
13. Рыбаков Б. А. Киевская Русь и Русские княжества / Б. А. Рыбаков. – М. : Наука, 1993. – 592 с.

14. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян / Б. А. Рыбаков. – М. : Наука, 1994. – 608 с.
15. Смолицкий В. Г. Былина о Дунае / В. Г. Смолицкий // Славянский фольклор и историческая действительность : сб. статей / отв. ред.: А. М. Астахова и др. – М. : Наука, 1965. – С. 109-131
16. Українські білини : іст.-літ. видання східнослов'янського епосу / упоряд., передм., післясл. та обробка З. Шевчука. – К. : Веселка, 2003. – 247 с.
17. Фрезер Д. Д. Золотая ветвь. Исследование магии и религии / Д. Д. Фрезер. – 2 изд. – М. : Изд-во полит. лит-ры, 1986. – 703 с.
18. Элиаде М. Мифы и волшебные сказки мира / М. Элиаде // Аспекты мифа / М. Элиаде; пер. с фр. В. Большакова; ст. коммент. Е. Строгановой. – М. : «Инвест - ППП»; ст. «ППП», 1996. – 240 с.
19. Юнг К. Г. Душа и миф: шесть архетипов / К. Г. Юнг. – К. : Гос. б-ка Украины для юношества, 1996. – 384 с.
20. Миннегулов Х. И. Татар Эдебияты / Х. И. Миннегулов Н. С. Гыймадиева. – Казан : Мэгариф нешрияты, 1995. – 319 с.
21. Селимова Л. Ш. Дестанларда къадын – къызлар сымасы / Л. Ш. Селимова // Филология, история и культура крымских татар: традиции и современность : материалы IV науч. конф. (г. Симферополь, 15 апреля 2010 г.). – Симферополь, 2010.
22. Эмирсуинова Н. К. (азырлады) Кърым татар халкъ масаллары / Н. К. Эмирсуинова. – Акъмесджит : Къырымдевокъучпеднешир, 2008. – 177 с.

Шендрикова С.П.

УДК 792.2:929 “1930/1961”

КРЫМ В СУДЬБЕ ВЕЛИКОЙ РУССКОЙ ОПЕРНОЙ ПЕВИЦЫ НАДЕЖДЫ АНДРЕЕВНЫ ОБУХОВОЙ

В данной научной публикации дается полный отчет о пребывании в Крыму (Коктебеле, Феодосии, Ялте, Евпатории и Севастополе) великой русской певицы, солистки Большого театра, Народной артистки СССР Надежды Андреевны Обуховой, начиная с детских лет до последних ее дней.

В разное время темой жизни и творчества Н.А. Обуховой занимались Т. Щепкина-Куперник (написала ряд очерков о даровании певицы), И. Бэлза (подготовил материалы о работе Обуховой в Большом театре СССР), Э. Абрамов (издал брошюру о крымских поездках оперной певицы). Однако, на сегодняшний день существует ряд вопросов, на которые современные краеведы, историки, культурологи должны найти ответы. Этим очерчивается актуальность поднимаемой в статье научной проблематики.

Надежда Обухова «родилась... 22 февраля (6 марта) 1886 года в Москве в старинной дворянской семье, проживавшей в одном из особняков, расположенных в тихом переулке на Пречистенке (ныне Кропоткинская улица)» [1, с. 8]. Ее отец, Андрей Трофимович Обухов был видным военным деятелем и большую часть своего времени находился на службе. Мать будущей актрисы русской оперной сцены, Мария Андриановна Мазараки, умерла от чахотки в молодом возрасте 26 лет от роду, оставив троих детей: старшую дочь Анну, среднюю – Надежду и младшего сына Юрия [2, с. 16].

Воспитанием и образованием осиротевших детей в дальнейшем занимался Андриан Семенович Мазараки – дед по линии покойной матери и, как пишет краевед Э. Абрамов, «всю оставшуюся жизнь он нежно и трепетно заботился о внуках». По воспоминаниям Н.А. Обуховой дедушка для сестер и брата «был ближе, чем отец» [2, с. 17].

Первые уроки грамоты дети получали тут же в дедовом имении. Сама Надежда Андреевна об этом писала так: «Учиться мы начали в семилетнем возрасте, общие предметы преподавала нам учительница из местной земской школы, а французский и немецкий язык мы проходили с гувернанткой. Уроки музыки нам давал дедушка. Он был очень строгим и требовательным педагогом. Когда мне минуло двенадцать лет, я уже играла некоторые ноктюрны и вальсы Шопена, играла и симфонии Гайдна, и Моцарта в четыре руки с дедушкой. Пела я с раннего детства, с тех пор, как себя помню» [3, с. 11].

С Крымом Надежду Андреевну связывают не только ее последние годы жизни. «Впервые Н.А. Обухова, – по мнению краеведа В. Сергеева, – попала в Крым в 1888 году, когда ей исполнилось два года» [4]. Обеспокоенный здоровьем внуков, особенно после скорострительной смерти любимых жены и дочери, Андриан Семенович вывез Анну, Надежду и Юрия в Крым, чтобы укрепить и оздоровить их.

«Ярким воспоминанием, – писала Надежда Андреевна, – остались наши поездки в Крым, где мы проводили иногда и зиму. Лето мы проводили в Евпатории или Алушке, зиму большею частью в Севастополе. В одну из поездок, в 1896 году, мы около недели провели в Ялте...» [3, с. 14].

И. Бэлза в одной из своих работ, посвященных жизни и творчеству Н.А. Обуховой о значении воспитания и образования в детском возрасте актрисы, писал: «Каждый мастер с юных лет воспринимает многообразные впечатления, формирующие его творческий облик...» [5, с. 80].

Возвращаясь к значению опеки внуков со стороны Андриана Семеновича Мазараки, отметим, что дед стал для Анны, Надежды и Юрия самым близким и родным человеком, поэтому смерть его в 1906 году [2, с. 21] была воспринята детьми как самое страшное потрясение. Но память о своем любимом деде они сохранили на всю оставшуюся жизнь.

В 1907 году Надежда Обухова поступила в Московскую консерваторию. Она была зачислена после прослушивания профессором У.А. Мазетти (он определил голос начинающей певицы как ярко выраженное меццо-сопрано) и директором консерватории М.М. Ипполитовым-Ивановым [6, с. 8].